

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ТРИ СЦЕНАРИЯ*

*Пол Кеннеди***

Современная мировая политика ставит перед нами бесконечное множество вопросов, ответы на которые предопределяют развитие событий на долгие годы вперед. Сохранится ли Израиль в своем нынешнем виде через 25 лет? Найдём ли мы аргументы, которые убедят бурно развивающийся Китай в необходимости стать частью международного сообщества? Как поведет себя Россия, восстановившаяся и окрепшая после катаклизмов конца XX столетия и какое место в мире она захочет занять? Станем ли мы свидетелями окончательного краха государств Африки? Сможем ли мы оживить ООН и качественно улучшить работу этой организации? Сумеет ли развитый мир не допустить нарастания враждебности в экономических отношениях, избежать торговых войн и масштабной финансовой нестабильности? Число подобных вопросов, за каждым из которых встает серьезнейшая международная проблема, растет, как снежный ком.

При всем разнообразии затронутых проблем есть одно ключевое обстоятельство, от которого зависит наша способность решить практически каждую из них. Это - состояние отношений между столпами западного мира - Европой и Америкой, отношений, переживающих сейчас период небывалого охлаждения. Ответить на все поставленные выше вопросы, как и на множество других, будет намного сложнее, если по трансатлантическому сообществу пройдет глубокая трещина. И напротив, справиться с глобальными проблемами станет намного легче, если западные демократии проявят единодушие. Мы должны быть вместе, твердит здравый смысл. Увы, он не всегда торжествует.

Возможности, которые раскрываются перед нами, укладываются в три альтернативных сценария. Первый - это неуклонное ухудшение отношений между США и Европой. Второй - «реставрация», возвращение к традиционному трансатлантическому партнерству после периода ссор и разногласий. Третий сценарий наиболее сложный: Новый и Старый Свет не пытаются затушевать свои различия, но при этом - сознательно или подсознательно - взаимно дополняют друг друга в решении насущных проблем развития. В этом «разделении труда» каждая из сторон берет на себя то, что у нее получается лучше.

Итак, заглянем вперед на пять - десять лет. Что ожидает два берега Атлантики в случае реализации каждого из описанных сценариев?

* Материал перепечатан из журнала «Россия в глобальной политике», Т. 2, № 1, январь-февраль, 2004г.

** *Пол Кеннеди* - британский историк и политолог, профессор Йельского университета, всемирно известный исследователь военной стратегии, дипломатии и международных отношений. Автор книги *The Rise and Fall of the Great Powers* («Взлет и падение великих держав»), ставшей мировым бестселлером. В основе статьи - выступление на конференции, организованной фондом Галуста Гульбенкяна (Лисабон) в октябре 2003 года.

Первый сценарий: дальнейшее расхождение

Кто бы мог подумать, что иракская кампания приведет к столь стремительному ухудшению взаимоотношений Европы и Америки? Проецируя в будущее события 2003 года, особенно его первой половины, нетрудно нарисовать весьма мрачный сценарий. А именно: Америка и Европа все дальше отдаляются друг от друга - и не в каком-то одном вопросе, а по многим позициям.

В военной и дипломатической области налицо все признаки охлаждения отношений, особенно если мы сравним нынешнее положение с тем единством, которое демонстрировали страны - члены НАТО в эпоху холодной войны, не столь уж, между прочим, далекую от нас. Совершенно очевидно, что США и Европа по-разному смотрят на две составляющие военно-политической стратегии - критерии применения вооруженных сил и вопрос о важности обладания превосходящей и значительной военной мощью. Наглядное воплощение этих противоречий - несопоставимый уровень расходов на оборону. Военный бюджет США настолько превышает совокупный военный бюджет всех государств Европейского союза, что перспективы преодоления пропасти в этой сфере практически не просматриваются, - во всяком случае, пока у власти в Вашингтоне остается администрация Джорджа Буша-младшего. Более того, нет сомнений в том, что эта пропасть будет только углубляться.

Следствием столь вопиющей разницы в расходах является соответствующее различие боевых потенциалов практически по всем показателям, будь то ядерные или военно-воздушные силы, мощности по сбору разведывательной информации, системы управления, авианосцы, тяжелые армейские подразделения, силы особого назначения или тыловые подразделения. Возникает резонный вопрос: а зачем, собственно говоря, американским военным связывать себя действиями в рамках операций «союзнических сил»? По крайней мере, до тех пор, пока союзники не обзаведутся собственной ударной мощью, которой сегодня мало кто из них обладает?

Подобное положение дел ограничивает и радиус действия европейских стран. Немногие из них способны развернуть за пределами Европы нечто большее, чем легкие войска, но даже и в этом случае они, как правило, зависят от американского снабжения, авиатранспорта и разведывательной информации. На протяжении большей части своей истории, с 1500 по 1950 годы, Европа всегда обладала важнейшей способностью - влиять на события за пределами Старого Света и контролировать их. Теперь все это в прошлом, и американцы понимают, сколь мала мощность, которой они на самом деле могут дожидаться от европейцев. США сегодня - единственная мировая держава, которая в состоянии одновременно контролировать происходящее в Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Стоит ли удивляться, что осознание этой реальности лишь усиливает склонность американцев полагаться только на себя и действовать в одностороннем порядке.

Вот оно, то самое противостояние между «культурой войны» (США) и «культурой ми-

ра» (Европа), как его определяет американский политолог Роберт Кейган, или между «торгашами и героями» («*Händler und Helden*»), по выражению немецкого социолога Вернера Зомбарта. Неспособность современной Европы вести войну вызывает пренебрежительное отношение со стороны американских неоконсерваторов. Но и их позиция непоследовательна. Она только усугубляет путаницу и недоверие, царящие в двусторонних отношениях. Ведь, с одной стороны, администрация Буша призывает европейцев увеличивать расходы на оборону и, особенно, наращивать военное присутствие в Ираке. С другой - она резко выступает против любых военных структур и сил, параллельных НАТО. Если европейцы и в самом деле «посланцы» бессильной изнеженной «Венеры» (Кейган), отчего же тогда Вашингтон так нервнируют робкие попытки «венерианцев» повысить свою боеспособность?

Таким образом, в отсутствие скрепляющего Североатлантический союз «клея» и при наличии разногласий по вопросам безопасности прежние узы между странами - членами НАТО чрезвычайно ослабли. Согласно мнению Роналда Асмуса, высказанному недавно в журнале *Foreign Affairs*, «нынешняя размолвка беспрецедентна по своим масштабам, напряженности, а порой и мелочности».

Нет недостатка и в доказательствах того, что в трансатлантическом союзе усиливаются экономические трения. Так, правительства всех ведущих стран находятся под постоянным давлением национальных аграрных и продовольственных лобби, сельхозпроизводители требуют от политиков отвергать компромиссы и призывают к торговому «возмездию». Грохочет канонада «стальных» войн, конкуренция таких компаний, как, например, *Airbus* и *Boeing*, сопровождается букетом все новых взаимных обвинений. В ВТО и других организациях не прекращаются скрытые столкновения по самым разным вопросам - стандартам связи, правам на интеллектуальную собственность и пр. Уже слышны отдаленные раскаты грандиозного экологического скандала, в центре которого генетически модифицированные продукты питания. Американские гиганты пищевой индустрии, пользуясь проводимой Вашингтоном политикой откровенного государственного протекционизма, не желают считаться с опасностью, которую несут человечеству генные технологии.

Америка и Европа двигаются в противоположных направлениях и еще в одной сфере - в том, что касается тенденций демографического развития. Население Европы сокращается, низкий уровень рождаемости не позволяет замещать естественную убыль, и даже пополнение ЕС новыми членами не способно изменить ситуацию. Численность населения США, напротив, растет, чему в немалой степени способствует непрекращающийся приток иммигрантов. В какой момент Новый Свет обгонит Старый по количеству жителей, имеет разве что символическое значение. Важнее социально-политические последствия: стареющие нации намного меньше склонны воевать и не хотят, чтобы сокращающееся молодое поколение надевало военную форму. Европейским странам требуется все больше денег для выплаты пенсий, на нужды здравоохранения и социального обеспечения, и это заставляет их сокращать военные

бюджеты. Европа все дальше отстает от Америки по своим возможностям. Мы плавно подошли к четвертому, и последнему, аспекту углубляющихся различий между США и Европой - сфере политической культуры и идеологии. Как справедливо отмечают некоторые обозреватели, за трансатлантическими разногласиями угадывается смутно проявляющееся, но предвещающее настоящую бурю противостояние между сторонниками однополярного и многополярного мира. Суть разногласий состоит в следующем: действовать через международные организации или решать все вопросы самостоятельно? Прибегать к военной силе или всячески избегать войны, предпочитая дипломатические уступки и поиск мирных решений и компромиссов? Споры идут прежде всего вокруг роли ООН как предпочтительного инструмента урегулирования разногласий, но единства нет и по таким международным вопросам, как судьба Киотского протокола, деятельность Международного уголовного суда, гарантии прав женщин и детей. Хотя администрация Буша подробно аргументирует причины выхода США из того или иного международного договора, отвергнутых документов накопилось слишком много, и Европа не скрывала своего возмущения позицией Вашингтона еще до начала войны в Ираке. Небывалые по размаху демонстрации протеста на улицах европейских городов в феврале прошлого года были спровоцированы не только военными приготовлениями Пентагона.

Итак, мотивы для углубления трансатлантического раскола весьма серьезны. Но и аргументов в пользу сближения достаточно.

Второй сценарий: сближение

Что вселяет оптимизм? Прежде всего - наличие личностного фактора. Ведь нарастание противоречий - это во многом «заслуга» конкретных политиков, таких, как Джордж Буш-младший, Ричард Чейни, Доналд Рамсфелд, Жак Ширак, Герхард Шредер. Рано или поздно они вместе со своими амбициями уйдут с политической сцены, и атмосфера в трансатлантическом сообществе разрядится. Да, нынешняя администрация США, находящаяся под давлением консервативных сил у себя дома, охотно пикируется с президентом Франции и канцлером Германии. Но по обе стороны океана хватает и других игроков - это демократы и прогрессивные республиканцы в Америке, политики в Великобритании, Испании, Италии, которые будут приветствовать примирение и всячески ему содействовать. Особую роль в деле сближения Америки и Европы способны сыграть НАТО и ООН. Сегодняшние противоречия между США и Североатлантическим альянсом - внутренние трения, а не попытка демонтировать блок, как таковой. Вопреки процитированному мнению Роналда Асмуса, не менее серьезные кризисы случались и прежде, но НАТО всегда успешно их преодолел. Более того, организация меняется в лучшую сторону: после окончания холодной войны она избавляется от избытков тяжелого вооружения, переориентируясь на осуществление миротворческих миссий в более удаленных регионах - на Балканах, в Афганистане и т. д. Очевидно, что США и Великобритания лучше готовы к выполнению этих задач, чем государства континентальной

Европы. Но пример таких стран, как Польша, Италия и Германия, убедительно свидетельствует, что ведущие европейские державы перестраивают свои натовские силы. Командные структуры, сосредоточенные здесь, действуют чрезвычайно эффективно; они слишком ценны, чтобы ими не воспользоваться.

Конечно, темпы, которыми европейские «венерианцы» продвигаются вперед в деле военной перестройки и стандартизации, оставляют желать лучшего, но есть и обнадеживающие признаки. Членам ЕС придется пойти на еще большие расходы, чтобы закрепить эти положительные тенденции. Вместо того чтобы растрачивать энергию на ссоры и спорить, являются ли коллективные силы Европы дополнением, альтернативой или вызовом НАТО, лучше придерживаться более позитивного подхода. Возможно, частям и соединениям, о которых идет речь, уготовано двойное или даже тройное предназначение. Так, немецкая бригада легкой пехоты могла бы взять на себя роль сил НАТО в Афганистане, или выполнять задачи вне зоны своей ответственности, выступая в качестве неамериканской силы (например, в Северной Африке), или же действовать под мандатом ООН в каком-либо регионе.

Что касается Совета Безопасности ООН, то и он только кажется «замороженным». Опыт миротворческой деятельности последних 15 лет многому научил Совбез, и стало понятно, на что этот орган способен, а на что - нет. По многим направлениям деятельности достигнут очевидный прогресс: в работе ключевого Департамента миротворческих операций, в координации действий различных стран-участниц, в способах получения информации о проблемных регионах, в управлении ходом операций. Мы продвинулись вперед и в области восстановления государств после вооруженных конфликтов. В качестве положительных примеров можно привести Восточный Тимор и ставшую более плодотворной кооперацию с силами, не имеющими мандата ООН, - как, скажем, в Афганистане.

Далее, коль скоро после прихода новых лидеров пяти постоянным членам СБ ООН удастся наладить сотрудничество, эффективность и авторитет Совета Безопасности резко возрастут. Тогда в миротворческих операциях вероятно с большей охотой будут участвовать такие страны, как Турция или Индия; быть может, улучшатся и перспективы сдерживания опасных режимов. Если сгладятся антагонистические противоречия внутри Совета Безопасности, можно будет даже вспомнить о некоторых давно обсуждаемых идеях структурных реформ: расширении состава Совбеза, принятии новых постоянных членов с правом вето и т. п. При таком развитии событий органы ООН смогут вернуть себе несколько поколебавшийся в глазах значительной части мира авторитет и восстановить свое влияние.

По иронии судьбы третий фактор в сфере безопасности, также подталкивающий трансатлантические нации в объятия друг друга, - это появление новых угроз. Исчезновение «клея» холодной войны стимулировало расхождение интересов Америки и Европы, но отчего бы новым угрозам не сплотить западные демократии вновь? Правда, сегодняшние угрозы заметно отличаются от тех, что существовали во времена Карибского кризиса или тогда, когда

мы все страшились наступления «ядерной зимы».

Главная угроза начала XXI века - терроризм на местном, региональном и, возможно, транснациональном уровне. Опасность может исходить от государств Северной Африки и Ближнего Востока, которые исповедуют антизападную идеологию, а теперь еще и обзавелись новыми, более разрушительными видами вооружений.

По мере усложнения демографической, социальной и политической ситуации все более вероятными становятся угрозы всплеска неконтролируемого насилия в районе Персидского залива, в Ираке и Саудовской Аравии, краха режима в Египте и взрыва в треугольнике Израиль-Палестина-Сирия. Дестабилизация Ближнего Востока может сопровождаться уничтожением тамошних запасов нефти, что повлечет за собой коллапс мировой экономики. Существуют и более привычные угрозы, такие, например, как возможное неблагоприятное развитие событий в России. Что если Россия, возродившаяся после периода кризиса и нестабильности, окажется недружественной и недемократической страной, которая будет вести себя агрессивно, стремясь взять реванш за якобы нанесенные ей обиды? Поглощение Белоруссии, давление на Украину и страны Балтии, ремилитаризация российской экономики и поставки оружия антизападным режимам, неконструктивная позиция Москвы в Совете Безопасности ООН, ведущая к параличу этого органа... Сегодня подобная картина кажется кошмарным плодом воображения. Но сигналы, поступающие из России в последнее время, к сожалению, свидетельствуют о том, что политический курс Кремля может измениться.

Как бы то ни было, противостоять такого рода опасному развитию мы сможем только сообща.

Есть угрозы и более новые, не столь очевидные и прямые, как вышеперечисленные. Но и они требуют безотлагательных и непрекращающихся совместных усилий всех западных держав. Взрыв насилия, по сути дела, по всей Западной и Центральной Африке - это самый худший сценарий, который только можно себе представить. Так ли уж он нереалистичен?

Неужели для того, чтобы излечить трансатлантические нации от взаимного раздражения, действительно необходимы страшные угрозы и катастрофы? Надеюсь, что нет. Однако исключать ничего нельзя. Одни чрезвычайные ситуации потребуют реакции со стороны НАТО, другие - проведения операций под эгидой Совета Безопасности. Но в любом случае придется забыть о сегодняшних распрях, сплотившись во имя совместных действий.

Укреплению западного альянса и восстановлению нарушенных связей способствуют и экономические факторы. «Суперклей» XXI века - это крупные транснациональные корпорации (такие, как *British Petroleum, Ford, IBM*), которые одновременно являются и американскими, и европейскими. Взаимодействие рынков не прекращается ни на минуту, капитал никогда не замедляет своего беспрецедентно интенсивного оборота. Ни один из действующих финансово-экономических игроков не потерпит «раскола» в трансатлантическом сообществе.

Такие европейские экономические издания, как *The Economist* и *Financial Times* все

энергичнее внедряются в Америку, а американские *The Wall Street Journal* и *Business Week* покоряют Европу. Эти гиганты и сами всё больше напоминают *BP* или *Ford*. Они всегда будут ратовать за солидарность, выступая против распада трансатлантического сообщества.

Стало модным говорить о великом и якобы даже нарастающем культурном водоразделе. Но одно только перечисление всего того, что связывает западные нации, займет слишком много места, чтобы уместиться в формате небольшой статьи. Напомню лишь о главном - о «мягких потоках» (туризм, студенческий обмен, молодежная культура, наука, университеты), которые год от года становятся все более бурными, укрепляя узы демократии.

Представления, согласно которым американцы - тупые грубоватые ковбои, а европейцы - скучающие и опустошенные обыватели-интроверты, есть не что иное, как обычные стереотипы. Тезис о том, что модернизация эквивалентна американизации, а потому несет Европе угрозу (об этом, в частности, не устают напоминать французский философ Жак Деррида), давно устарел и не имеет ничего общего с действительностью. На примере, скажем, Испании и Португалии, стран с очень сильными национальными традициями, мы видим появление наций, которые успешно впитывают в себя разные культуры, превращаясь в замечательных «гибридов». За последние четверть века эти европейские государства пережили глубокие политические, экономические и социальные перемены, сохранив при этом богатую самобытную культуру, язык и гордость за свою историю.

Третий сценарий: разделение труда

Третий сценарий изобилует компромиссами и основан на выжидательном подходе, подразумевающим постепенные преобразования. Согласие сторон возможно и вероятно. Не надо пугать друг друга такими тревожными понятиями, как «раскол», «развал» или «разлад». Но не стоит и рассчитывать на то, что по мере смены лидеров и усложнения международной обстановки развод сам собой вновь обернется счастливым супружеством. Кардинальные изменения в мировой политике идут полным ходом, и по разные стороны Атлантики зачастую по-разному видят способы решения возникающих проблем. Трансатлантический процесс не удастся вернуть в прежнее русло, но в этом нет никакой катастрофы.

В основе будущих отношений должно лежать взаимное понимание. Европа и Америка вполне способны договариваться о том, в каких областях они могут сотрудничать, а в каких - решать задачи самостоятельно. В частности, им следует понять, где и когда одна из сторон должна взять на себя руководство, а другая - либо одобрить ее действия, либо оказать лишь минимальную поддержку, либо откровенно возразить, но не строить никаких препятствий и не накладывать вето. Такая тактика подразумевает, что НАТО и Совет Безопасности ООН могут по-прежнему выполнять свои функции, но им придется отказаться от монополии на принятие стратегически важных решений и осуществление стратегически важных действий. Стратегию «разделения труда» следует рассматривать в двух измерениях - региональном и

функциональном. Вне всякого сомнения, в будущем в области безопасности станут возникать проблемы, при решении которых Соединенные Штаты и Европа будут действовать рука об руку как равноправные партнеры, поскольку их интересы совпадают. Но любому мало-мальски мыслящему наблюдателю ясно: есть регионы, в которых у Америки имеются более ярко выраженные интересы, чем у Европы, и наоборот. Я, например, не вижу, что за роль можно было бы отвести Европе в событиях, которые разворачиваются на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии - в Китае, Японии, на Корейском полуострове, Тайване или Филиппинах. Всё это - сфера исключительно американских интересов. Точно так же нельзя ожидать, что Европа будет активным действующим лицом урегулирования или предотвращения конфликтов в Южной Азии, Индонезии, Кашмире. В Латинской Америке, которая издавна считается сферой влияния Вашингтона, Испания и Португалия в состоянии выполнить ту или иную дипломатическую задачу. Но случись, допустим, в Колумбии или Юной Мексике серьезные волнения или социальные потрясения, угрожающие мировой безопасности и стабильности, никто, кроме США, не сможет взять на себя роль лидера в решении этой проблемы.

С другой стороны, есть по меньшей мере два тревожных региона, где бремя лидерства ляжет на объединенную Европу, которая способна действовать там тоньше и продуманней. Прежде всего речь идет о необходимости обеспечить дальнейшее процветание и ускорить демократизацию в Восточной Европе и за ее пределами - в странах Балтии, в европейской части бывшего Советского Союза: Белоруссии, Украине и в самой России. К этой «зоне ответственности» примыкает и Турция. По причинам, коренящимся в истории и географии, Европа располагает обширным инструментарием возможностей для помощи этим странам. Западно-европейские нации уже делают немало. Но как насчет того, чтобы удвоить и удесятерить усилия, направляемые на экономическую, политическую и культурную интеграцию этого жизненно важного региона?

Далее, нужно позаботиться об Африке. Хотя президент Буш и заявил о выделении 15 миллиардов долларов на борьбу со СПИДом на континенте, а Госдепартамент США предпринял там за последние полтора десятилетия немало полезных дипломатических шагов, но едва ли США способны совершить в этом регионе нечто более существенное, чем оказание поддержки или выполнение роли наблюдателя. Пентагон начинает нервничать, когда речь заходит об отправке войск в Африку, будь то под эгидой ООН или самостоятельно. Пусть спасением Африки займется Европа, или Совет Безопасности ООН, или они вместе, но только не мы, считают в американском военном ведомстве. Быть может, они не так уж и не правы?

Ведь европейская помощь бывшим колониям, в оказании которой участвуют не только государства, но и частные доноры, неправительственные и религиозные организации, всегда будет более значительной, чем американская. В Европе неизмеримо больше специалистов по программам развития и охраны окружающей среды, чем в США. Европейские вооруженные силы имеют богатый опыт в миротворческих операциях, в обеспечении проведения выборов,

в восстановлении жизнедеятельности африканских государств, хотя часто они действовали в составе миротворческого контингента ООН. Конечно, никто не станет во всеуслышание заявлять о том, что Европа «позаботится» об Африке, тогда как Америка «позаботится» об остальных странах Третьего мира. Но мне кажется, что правительство США приветствовало бы такое распределение ролей по умолчанию. Общественное мнение в Европе, скорее всего, тоже не возражало бы против подобного негласного соглашения.

Другой тип разделения труда - функциональный и в некотором смысле опирающийся на те различия, о которых говорит Роберт Кейган. Европе, конечно же, следует повысить степень эффективности и мобильности своих вооруженных сил, а Соединенным Штатам - в значительной степени пересмотреть масштаб и характер помощи, которую они оказывают в развитии других стран и которая во многих отношениях недостаточна. Обстоятельства будут складываться таким образом, что в одних случаях (от Афганистана до Африки) европейцы смогут помочь своими вооруженными силами, а в других Пентагон окажет материально-техническую и разведывательную поддержку операциям, осуществляемым под европейским командованием.

Но всем отлично известно, что Америка сильна в ведении войн, а европейским странам при поддержке ООН и Всемирного банка хорошо удаются миротворческие операции и государственное строительство. Так почему бы не извлечь практическую пользу из этих особенностей?

В других областях (охрана окружающей среды, научные и космические исследования, обсуждение реформы ООН) обе стороны должны находиться в равном положении. Очень важно вести вежливый диалог и понимать относительные достоинства и недостатки друг друга, а также согласиться с тем, что мир, который существовал до 1989 года, больше не вернется. Пора признать, что Америка и Европа - это разные животные, которые, впрочем, благополучно сосуществуют в мировом зверинце и не настроены друг к другу враждебно.

Итак, перед нами три сценария, ни один из которых на сегодняшний день исключить нельзя. Есть одно обязательное условие, при котором мы вправе рассчитывать на решение трансатлантических проблем в обозримом будущем. Речь идет о нашей интеллектуальной честности и способности к открытому, гибкому мышлению. Надежда на лучшее не покинет нас до тех пор, пока мы сохраним эту способность.